

Николай Ивановичъ Пироговъ.

Его жизнь и дѣятельность

(13 ноября 1810 года—13 ноября 1910 года).

«Природа—мать! Когда-бъ такихъ людей
Ты никогда не послала міру,
Заглохла-бъ нива жизни!»

Памяти Добролюбова—Некрасовъ.

* * *

«Учитель! Научи насъ трудной наукѣ
Среди людей остаться человѣкомъ!
Научи насъ, гдѣ черпать ту силу,
Что-бъ до преклонныхъ лѣтъ
Сохранить чистоту и свѣжесть идеаловъ,
Чтобы жизнь, пригибая къ землѣ наше тѣло,
Не сгибала, не старила нашего духа!»

Изъ прощальной рѣчи—Н. И. Пирогову—Кіевскихъ студентовъ.

Мнѣ кажется, мы не только недостаточно пользуемся великими завѣтами Н. И. Пирогова, но и не достаточно знаемъ его, и потому считаю долгомъ—по случаю 100-лѣтія со дня рожденія Пирогова—воскресить въ нашей памяти чудный образъ нашего великаго врача-хирурга и учителя жизни, его жизнь и дѣятельность и его міровоззрѣнія.

100 лѣтъ тому назадъ, 13 ноября 1810 г., въ г. Москвѣ, въ семьѣ чиновника Пирогова родился, 13-мъ ребенкомъ, Николай Пироговъ, ставшій потомъ однимъ изъ величайшихъ врачей и педагоговъ, выдающимся авторитетомъ въ военно-полевой хирургіи, великимъ мыслителемъ и общественнымъ дѣятелемъ!

Въ 1812 г., во время нашествія Наполеона, семья Пироговыхъ, съ двухлѣтнимъ ребенкомъ Николаемъ, временно бѣжала изъ Москвы во Владимірѣ.

6-ти лѣтъ мальчикъ Пироговъ научился грамотѣ, шутя, по картинкамъ - карриатурамъ на французовъ, изданнымъ въ видѣ азбучныхъ картъ въ алфавитномъ порядкѣ.

«Первыя карриатурныя впечатлѣнія, —говоритъ впоследствии Пироговъ,—развили во мнѣ склонность къ насмѣшкѣ и свойство подмѣчать въ людяхъ скорѣе смѣшную и худую сторону, чѣмъ хорошую. Но тѣ же карриатуры надъ кичливымъ и гордымъ, но уже побѣжденнымъ, Наполеономъ, развили во мнѣ рано любовь къ славѣ моего отечества».

Научившись грамотѣ, Николай Пироговъ съ истиннымъ наслажденіемъ, по его-же словамъ, предался чтенію дѣтскихъ книгъ. Первыми учителями Пирогова, съ 8-лѣтняго его возраста, были двое Московскихъ студентовъ.

На 12-мъ году мальчица Пирогова отдали учиться въ одинъ изъ лучшихъ въ Москвѣ того времени частныхъ пансіоновъ, извѣстнаго педагога В. С. Кряжева, гдѣ Николай Пироговъ скоро сталъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Но вотъ матеріальное положеніе—прежде состоятельной—семьи Пирогова, состоявшей теперь изъ 6 человекъ, сильно пошатнулось, платить въ пансіонъ стало не чѣмъ и Николая Пирогова взяли изъ пансіона послѣ 2-лѣтняго обученія въ немъ.

Между прочимъ, любимой игрой живого и разбитнаго мальчика Пирогова, во время его школьной жизни, была игра съ сверстниками въ войну.

Другой интересной забавой впечатлительнаго Пирогова была игра въ лѣкаря. Увлеченіе этой игрой появилось послѣ быстро излѣченія проф. Мужинимъ брата Пирогова отъ ревматизма, послѣ безуспѣшнаго

лѣченія многими другими врачами. Сильно импонировавшая обстановка прїѣзда проф. Мухина и необычайный эффектъ его лѣченія произвели на первнаго мальчика Пирогова весьма сильное впечатлѣніе и возбудили въ немъ большой интересъ и уваженіе къ искусству врачеванія. «Игра въ лѣкаря такъ полюбилась мнѣ,—разсказываетъ впослѣдствіи Н. И. Пироговъ,—что я не могъ съ нею разстаться и поступивъ въ университетъ», чему приводитъ оригинальный примѣръ «игры» въ камнебѣженіе.

По выходѣ изъ пансіона, способнаго мальчишка Пирогова, по совѣту того-же профессора Московскаго университета Мухина, стали готовить въ вступительному экзамену прямо въ университетъ, на медицинскій факультетъ.

Въ сентябрѣ 1824 г., благодаря покровительству Мухина, декана факультета, экзаменъ благополучно былъ сданъ и Николай Ивановичъ Пироговъ, не имѣя еще полныхъ 14 лѣтъ, сталъ студентомъ Московскаго университета!

Послѣ экзамена,—впослѣдствіи разсказываетъ Ник. Ив.—чъ,—отецъ угостилъ студента-ребенка шоколадомъ и сладкими пирожками....

Началась студенческая жизнь. Постоянное посѣщеніе одной группы студентовъ, жившихъ съ бывшимъ учителемъ Ник. Ив.—ча, студентомъ Теоетистовымъ, производило сильное впечатлѣніе на юнаго и впечатлительнаго Пирогова. Этотъ 10-ый номеръ квартиры студентовъ,—говоритъ Ник. Ив.,—могъ-бы считаться притономъ нигилистовъ.

„Университетская молодежь въ 1824—1825 годахъ,—замѣчаетъ Н. И. Пироговъ,—предоставлена была самой себѣ, жила, гуляла, училась, бѣсилась по своему. Не было ни попечителей, ни инспекторовъ, въ современномъ значеніи этихъ званій“,—не было и университетской полиціи, а городская полиція провинившихся студентовъ должна была доставлять въ университетъ, сама-же не имѣла права распоряжаться студентами. Экзаменовъ не было.

„Начавшійся съ 1825 г. гнетъ въ университетѣ я тотчасъ-же почувствовалъ,—разсказываетъ въ 1879 г. Пироговъ,—несмотря на мою незрѣлость и неопытность. Гнетъ этотъ, какъ извѣстно,—замѣчаетъ Пироговъ,—усиливался crescendo и даже до сегодня, съ нѣкоторыми перемежками, слѣдов., цѣлыхъ 50 лѣтъ! Довольно времени, чтобы, исковеркавъ lege artis молодую натуру и ожесточивъ нравы, перепортилъ и погубилъ многія сотни и тысячи душъ“,—восклицаетъ Пироговъ!

Во время студенчества Пирогова — матеріальное положеніе семьи его пришло въ окончательный упадокъ. Отецъ вкорѣ умеръ и семья Пирогова стала сильно бѣдствовать. Лишь благодаря само-

отверженности матери своей и двухъ сестеръ: мать держала нахлбниковъ, сестры брали работы, на квартиру пустиль Пироговыхъ одинъ ихъ родственникъ,—будущему свѣтилъ русской медицины, Н. И. Пирогову—удалось окончить университетъ! „Какъ я или, лучше, мы,—впослѣдствіи говорилъ Пироговъ,—пронищенствовали во время моего студенчества, это для меня и теперь—загадка! Къ счастью нашему,—разсказываетъ Ник. Ив.,—въ то блаженное время не платили за лекціи, не носили мундировъ и даже когда введены были мундиры, то мнѣ шили сестры изъ стараго фрава какую-то мундирную куртку съ краснымъ воротникомъ, и я, чтобы не обнаружить несоблюденія формы, сидѣлъ на лекціяхъ въ шинели, выставляя на видъ свѣтлыя пуговицы и красный воротникъ“.

Московскій университетъ времени студенчества Пирогова въ научномъ отношеніи и по патріархальности порядковъ представлялъ довольно безотрадное явленіе. Въ университетѣ не мало было такихъ профессоровъ, на лекціи которыхъ собирались студенты съ разныхъ факультетовъ только для потѣхи, примѣры которыхъ съ такимъ юморомъ приводитъ Николай Ивановичъ.

Вотъ профессоръ физиологіи: „начавъ лекцію о жизненной силѣ, ухитрился подь конецъ перейти къ разсказу о малинѣ, которую лѣтомъ съ такимъ аппетитомъ мы кушаемъ со сливками“.

„Все ординаціи въ госпиталѣ состояли въ назначеніи: выпустить до фунта крови, поставить 10 пиявицъ“.

Лѣченіе тифа въ Москвѣ въ то время было такое,—разсказываетъ Пироговъ: „сначала *rad. valerianaе*, потомъ *agnіса*, *camphora*, *moschus*, а когда все это не помогало,—Иверская Божія Матерь“.

Одинъ профессоръ, анатомъ-хирургъ Лодеръ, „личность оригинальная, европейская знаменитость“, успѣлъ внушить Пирогову любовь къ анатоміи. Относительно хирургіи Пироговъ замѣчаетъ: „этимъ предметомъ я почти вовсе не занимался въ Москвѣ и хирургія была для меня въ то время наукою неприглядною и вовсе не понятною“.

3 года учился Пироговъ въ Московскомъ университетѣ и, будучи лишь 17 лѣтъ, въ маѣ 1828 года, сталъ уже врачомъ, „лѣкаремъ“!

„И такъ я окончилъ курсъ,—говоритъ Пироговъ...; не дѣлалъ ни одной операціи, не исключая кровопусканія и выдергиванія зубовъ, не дѣлалъ и даже не видалъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ литотомій удѣтей, ни одной операціи не только на живомъ, но и на трупѣ, не вскрылъ ни одного трупа, не отпрепаровалъ ни одного мускула, не видѣлъ ни одного химическаго препарата въ натурѣ, не видѣлъ ни одного тифознаго больного, не имѣлъ ни разу ланцета въ рукахъ“.

„Все-же,—впослѣдствіи замѣчаетъ Пироговъ,—московская наука, не смотря на всю свою отсталость и поверхностность, оставила кое-что, не дававшее покоя и звавшее впередъ. Было неотступное желаніе учиться и учиться“.

И вотъ еще до лѣварскаго экзамена Пироговъ избранъ былъ Московскимъ университетомъ для командировки на казенный счетъ въ профессорскій институтъ, только-что (1827 г.) учрежденный при Дерптскомъ, нынѣ Юрьевскомъ, университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію. Избранъ былъ Николай Ивановичъ, какъ одинъ изъ „двадцати природныхъ россіянъ, наиболее способныхъ“ изъ оканчивающихъ наши, русскіе университеты.

Избраніе это произошло при прямомъ содѣйствіи того-же проф. Мухина, замѣтившаго выдающіяся способности Пирогова и потому рѣшившаго обезпечить судьбу талантливаго юноши.

Своей спеціальностью Н. И. Пироговъ избралъ-было въ первый моментъ физиологію, но на это не согласился деканъ Мухинъ, и тогда Пироговъ избралъ хирургию. „Какой-то внутренній голосъ подсказывалъ мнѣ этотъ выборъ“, говоритъ впослѣдствіи Пироговъ. „Кромѣ анатоміи, есть еще и жизнь; и, выбравъ хирургию, будешь имѣть дѣло не съ однимъ трупомъ“.

Послѣ особаго экзамена въ Академіи наукъ въ Петербургѣ, Пироговъ отправился въ г. Дерптъ.

Дерптскій университетъ въ то время пользовался большой славой въ Россіи, благодаря знаменитымъ профессорамъ его.

Пироговъ, какъ избравшій своей спеціальностью хирургию, поступилъ „подъ начало“ профессора хирургіи И. Ф. Мойера, естона. На счастье Пирогова, проф. Мойеръ былъ личностью высокоталантливой и прекрасныхъ душевныхъ качествъ, и потому вліяніе его на Пирогова было самое благотворное.

Со всѣмъ пыломъ юности принялся Н. И. Пироговъ за работу въ Дерптскомъ университетѣ. Но одна хирургическая клиника университета, имѣвшая всего 22 кровати, не могла удовлетворять научныхъ запросовъ молодого и талантливаго хирурга. Вопреки мнѣнію большинства хирурговъ того времени, Пироговъ смотрѣлъ на хирургию не какъ на искусство, а какъ на науку, при чемъ основой хирургіи считалъ анатомію; вотъ почему, занимаясь хирургіей, Пироговъ большую часть времени проводилъ въ анатомическомъ театрѣ за трупами. Въ то же время Пироговъ, въ клиническихъ дѣлахъ, сталъ производить опыты на животныхъ, однимъ изъ первыхъ въ Европѣ стремясь рѣшать вопросы клинической хирургіи опытами на животныхъ.

Плодомъ своихъ анатомическихъ изслѣдованій и многочисленныхъ опытовъ на животныхъ была первая научная работа Пирогова о перевязкѣ брюшной аорты (на тему факультета), напеча-

танная въ 1830 г. въ качествѣ докторской диссертациі на латинскомъ языкѣ. Работа удостоена была факультетомъ золотой медали и затѣмъ переведена была на нѣмецкій языкъ въ знаменитомъ тогда хирургическомъ журналѣ Грѣфе и Вальтера.

„Занимаясь диссертацией, я,—пишетъ Пироговъ,—вель въ Дерптѣ пріятную жизнь: днемъ—въ клиникѣ и анатомическомъ театрѣ, гдѣ дѣлалъ опыты надъ животными; вечеромъ—въ кругу нѣсколькихъ новыхъ знакомыхъ, б. ч. изъ нѣмцевъ; я узнавалъ много новаго о студенческой жизни и ея обычаяхъ. Но „мы, русскіе, изъ профессорскаго института, профессора-эмбрионы, какъ насъ звали нѣмецкіе студенты, не сходились ни съ однимъ студенческимъ кружкомъ, не участвовали ни въ коммершахъ, ни въ другихъ студенческихъ препровожденіяхъ времени“.

«Вѣрно, нигдѣ въ Россіи того времени,—говоритъ Пироговъ,—не жилось такъ привольно, какъ въ Дерптѣ. Главнымъ начальствомъ города былъ ректоръ университета. Университетъ, профессора и студенты господствовали». Описывая затѣмъ свои знакомства въ Дерптѣ, Н. И. Пироговъ съ чувствомъ безпредѣльной благодарности вспоминаетъ профессора-хирурга Мойера и его семейство, постояннымъ гостемъ которыхъ онъ былъ. Мойеръ сыгралъ большую роль въ жизни и по службѣ Пирогова.

Живя въ Дерптѣ, Пироговъ не рѣдко бѣдствовалъ; скудные свои средства онъ тратилъ на покупку книгъ и животныхъ, нужныхъ ему для научныхъ опытовъ, и къ концу мѣсяца не на что было купить сахару или чаю; чай приходилось замѣнять ромашкой, мятой и шалфеемъ,—разсказываетъ впоследствии Николай Ивановичъ.

Въ 1832 году, послѣ особаго экзамена и защиты диссертациі, Пироговъ удостоенъ былъ степени доктора медицины и хирургіи и 22 лѣтъ Пироговъ сталъ уже... докторомъ медицины!

Въ Дерптѣ Пироговъ пробылъ 5 лѣтъ, вмѣсто 2—3-хъ. Это произошло вслѣдствіе польской революціи 1830—1831 годовъ, шедшей рука объ руку съ французской, послѣ чего, сообщаетъ Пироговъ, до 1833 года насъ нигуда за границу не хотѣли пускать.

Въ 1833 г. Пироговъ, молодой ученый, всего 23 лѣтъ, вмѣстѣ съ другими товарищами командированъ былъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу для дальнѣйшей подготовки къ профессорскому званію. Всѣ медики и почти всѣ другіе должны были ѣхать въ Берлинъ; естествоиспытатели—въ Вѣну. Во Францію и Англію никого не пустили.

Съ прекрасной подготовкой по хирургіи и анатоміи и съ новымъ рациональнымъ направленіемъ въ хирургіи, явился молодой хирургъ Пироговъ въ заграничныя клиники.

„Наука въ Берлинѣ въ 1830-хъ годахъ была въ переходномъ состояніи. Медицина стояла въ Германіи на распутьи: философское направленіе всѣхъ наукъ того времени препятствовало и медицинѣ слѣдовать спокойно и неуклонно путемъ чистаго наблюденія и опыта“. Но уже происходилъ „переходъ германской медицины къ реализму, начиналось торжественное вступленіе ея въ разрядъ точныхъ наукъ. Поражало Пирогова въ Берлинѣ почти совершенное отдѣленіе практической медицины отъ главныхъ реальныхъ основъ ея: анатоміи и физиологіи. Было такъ, —говоритъ Ник. Ив.—чѣ,—что анатомія и физиологія—сами по себѣ, а медицина—сама по себѣ. И сама хирургія не имѣла ничего общаго съ анатоміей. Ни Рустъ, ни Грефе, ни Диффенбахъ—все знаменитые хирурги того времени—не знали анатоміи. У терапевтовъ-профессоровъ объективный экзаменъ при постели больного не существовалъ. Вскрытіи труповъ сами профессора не дѣлали и не присутствовали при нихъ, да и присутствіе ихъ тамъ,—замѣчаетъ Пироговъ,—ни къ чему бы не повело, при ихъ полномъ незнаніи патологической анатоміи“.

Поучительны были для Пирогова занятія у анатома Шлемма, а еще болѣе были полезны упражненія по оперативной хирургіи надъ трупами въ больницѣ Charité.

Въ этой больницѣ Пироговъ знакомится съ большой любительницей анатоміи, г-жею Фогельзангъ, которая исключительно занималась анатоміей и вскрытіями труповъ. Прежде Фогельзангъ была повивальной бабкой. Эта замѣчательная женщина,—сообщаетъ Ник. Ив.,—«достигла совершенства въ разъясненіи и наглядномъ опредѣленіи грудныхъ и брюшныхъ внутренностей, а также мозга и основанія черепа».

«Въ то время Берлинъ былъ экзаменаціоннымъ «*rendez-vous*» для всѣхъ врачей Прусскаго королевства, и каждый изъ нихъ на такъ назыв. государственномъ экзаменѣ обязанъ былъ демонстрировать предъ экзаменаторами внутренности груди, живота *in situ*».

Вотъ этотъ-то экзаменъ *in situ* и заставлялъ прибѣгать экзаменуемыхъ къ анатомическимъ знаніямъ г-жи Фогельзангъ».

Г-жа Фогельзангъ «и рано утромъ и поздно вечеромъ,—говоритъ Пироговъ,—являлась ко мнѣ съ какимъ-нибудь препаратомъ въ рукахъ или съ извѣстіемъ о предстоящемъ упражненіи на трупѣ въ больницѣ. Она доставила мнѣ для упражненія не одну сотню труповъ, и потому я считалъ ее дорогимъ для себя человекомъ».

Лѣтней вакаціей 1834 г. Пироговъ воспользовался для посѣщенія г. Геттингена, гдѣ всего болѣе интересовалъ Николая Ивановича знаменитый хирургъ Лангенбекъ, который былъ единственнымъ во всей Германіи того времени хирургомъ-анатомомъ; знанія

его анатоміи были такъ-же обширны, какъ и хирургіи. Лангенбекъ, замѣчаетъ Пироговъ, оперировалъ скоро, научно и оригинально.

Провода время въ занятіяхъ преимущественно хирургіей и анатоміей, Н. И. Пироговъ пробылъ въ Германіи 2 года, какъ-то и полагалось.

Когда подходилъ срокъ окончанія заграничной командировки, всѣ молодые русскіе ученые получили отъ министерства Уварова запросъ: въ какомъ университетѣ каждый изъ нихъ желалъ-бы получить профессорскую кафедру?

Пироговъ отвѣчалъ безъ колебаній: „въ Москвѣ, на родинѣ“, и такъ былъ увѣренъ въ своемъ назначеніи въ Москву, что въ письмѣ къ своей матери онъ просилъ ее заблаговременно распорядиться съ квартирой и т. под.

Съ радостными мечтами о хирургической кафедрѣ въ родной Москвѣ возвращался Николай Ивановичъ изъ-за границы въ май 1835 г. Но вотъ по дорогѣ въ Петербургъ Н. И. серьезно заболѣваетъ; пришлось остановиться въ Ригѣ и поступить въ военный госпиталь, гдѣ пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Оправившись отъ своей болѣзни, Н. И. пустился въ дальнѣйшій путь и по дорогѣ завернулъ на нѣсколько дней въ г. Дерптъ повидаться съ проф. Мойеромъ и др. Здѣсь, какъ громомъ, поразила Ник. Ив—ча вѣсть, что онъ оставленъ пока безъ профессуры... „Попечитель Московскаго университета Строгановъ настоялъ у министра объ опредѣленіи на кафедру хирургіи въ Москвѣ Иноземцева“, товарища Пирогова.

Подъ первымъ, тяжелымъ впечатлѣніемъ отъ этой неожиданной новости, Ник. Ив—чъ пишетъ: «Это онъ (Иноземцевъ) назначенъ былъ разрушить мои мечты и лишить меня, мою бѣдную мать и бѣдныхъ сестеръ перваго счастья въ жизни! Сколько счастья доставляло и имъ, и мнѣ думать о томъ днѣ, когда, наконецъ, я явлюсь къ нимъ, чтобы жить вмѣстѣ и отблагодарить ихъ за всѣ ихъ попеченія обо мнѣ въ тяжкое время сиротства и нищенства! И вдругъ, всѣ надежды, всѣ счастливыя мечты, все пошло прахомъ!» «Лишь только пришла бѣда, болѣзнь,—съ горечью пишетъ Ник. Ив—чъ,—его забываютъ и спѣшать его мѣсто замѣнить другимъ».

Оставшись въ Дерптѣ, Н. И. Пироговъ принялся усердно посѣщать хирургическую клинику проф. Мойера, бывшаго въ то время уже ректоромъ Дерптскаго университета. По служебнымъ своимъ занятіямъ, Мойеръ почти не посѣщалъ клиники и поручилъ все дѣло своему молодому ассистенту Струве, предоставивъ дѣлать операціи и Пирогову. Благодаря энергичной и блестящей дѣятельности Ник. Ив—ча, клиника ожила. Между прочимъ, необы-

чайный эффектъ произвела на всѣхъ операціи литотоміи (извлеченіе камня) у одного мальчика, произведенная Пироговымъ въ двѣ минуты!

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Мойеръ, пригласивъ Пирогова къ себѣ, предложилъ ему занять его кафедру хирургіи, на что послѣ нѣкоторыхъ колебаній Ник. Ив.—чѣ согласился.

Вскорѣ затѣмъ, по предложенію Мойера, медицинскій факультетъ Дерптскаго университета единогласно избралъ Пирогова экстра-ординарнымъ профессоромъ.

Министръ народнаго просвѣщенія выразилъ согласіе на избраніе Пирогова на кафедру хирургіи въ Дерптѣ.

Оставалось рѣшеніе дѣла за Совѣтомъ Дерптскаго университета.

Тѣмъ временемъ Н. И. Пироговъ отправился въ Петербургъ представиться министру и ждать тамъ рѣшенія Совѣта.

Въ Петербургѣ Пироговъ занялся посѣщеніемъ больницъ, гдѣ съ каждымъ днемъ имѣлъ новыя знакомства съ врачами и профессорами.

Врачи изъявили желаніе выслушать у Н. И. Пирогова курсъ хирургической (топографической) анатоміи, настолько въ то время новой науки, что многіе изъ врачей не знали даже ея названія. Ник. Ив.—чѣ въ теченіе 6 недѣль читалъ хирургическую анатомію на трупахъ въ покойницкой Обуховской больницы, производя на трупахъ и соотвѣтствующія операціи. Обстановка лекцій была самая жалкая: одна небольшая, довольно грязная комната, плохо вентилируемая и освѣщавшаяся нѣсколькими салными свѣчами. Слушателей набиралось всегда болѣе 20 чел. Наглядный, демонстративный способъ преподаванія, какъ новый, особенно заинтересовалъ слушателей.—Пироговъ читалъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ. Въ то время рѣдко встрѣчались русскіе ординаторы въ петербургскихъ больницахъ; все были нѣмцы—петербургскіе или отзейскіе. „Изъ чистокровныхъ русскихъ врачей никто не являлся на мой курс“,—замѣчаетъ Пироговъ.

Все время у Ник. Ив.—ча уходило на посѣщеніе больницъ и на приготовленіе въ лекціямъ. Не мало операцій сдѣлано было въ больницахъ Обуховской и Маріи Магдалины. Молодой хирургъ очень увлекался операціями.

Посѣтилъ Н. И. Пироговъ и большой сухопутный военный госпиталь на Выборгской, въ которомъ суждено было потомъ работать и самому Пирогову. „Госпиталь и въ особенности главный докторъ госпиталя Флоріо представились мнѣ, — пишетъ Пироговъ, — чѣмъ-то фантастическимъ изъ „Тысячи и одной ночи“, — какъ это и видно изъ разсказа Ник. Ив.—ча;—до того все было плохо въ госпиталѣ!

Время шло, а рѣшенія изъ Дерпта о выборѣ Ник. Ив—ча въ Совѣтъ все еще не было, и Пироговъ уже рѣшился было принять кафедру въ Харьковѣ, предложенную попечителемъ гр. Головкинымъ. Оказалось, что выборъ Пирогова въ профессора Дерптскаго университета встрѣтилъ въ Совѣтѣ протесты со стороны теологовъ, настаивавшихъ, что по закону яко-бы только одни протестанты могли быть профессорами Дерптскаго университета.

Послѣ долгихъ споровъ, Н. И. Пироговъ избранъ былъ—въ 1836 г.—и Совѣтомъ Дерптскаго университета экстраординарнымъ профессоромъ его. И это былъ первый примѣръ того, что русскій по происхожденію и православный былъ избранъ профессоромъ въ чисто-нѣмецкомъ университетѣ, каковымъ былъ тогда нашъ Дерптскій, нынѣ Юрьевскій, университетъ: настолько уже тогда извѣстенъ былъ Пироговъ, какъ хирургъ.

И вотъ всего на 26-мъ году жизни Н. И. Пироговъ становится профессоромъ университета, начинаетъ самостоятельную профессорскую дѣятельность!

Занявъ кафедру въ Дерптскомъ университетѣ, Н. И. Пироговъ своимъ страстнымъ увлеченіемъ наукой, талантливымъ преподаваніемъ хотя и на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, и идеально-честнымъ отношеніемъ къ дѣлу быстро завоевалъ себѣ любовь и уваженіе своихъ учениковъ и товарищей—профессоровъ, въ началѣ относившихся къ Пирогову съ большимъ предубѣжденіемъ, какъ чужаку русскому и еще новатору.

Въ своихъ воспоминаніяхъ бывший студентъ Дерптскаго университета Фробень такъ описываетъ первыя лекціи Пирогова. «На первой лекціи Пироговъ читалъ о суставахъ, показывая при этомъ свои препараты. Образование фразъ выходило у него иногда очень смѣшно и потому мы громко смѣялись. Пироговъ конфузился, краснѣлъ, но серьезно продолжалъ лекцію, а въ концѣ лекціи сказалъ: «Господа! я худо говорю по нѣмецки; прошу Васъ говорить мнѣ каждый разъ послѣ лекціи, въ чемъ я не былъ достаточно понять,—и я готовъ повторять и объяснять любые препараты». На второй лекціи студенты уже мало смѣялись, а на третьей вовсе нѣтъ. Рѣдко,—говоритъ Фробень,—можно встрѣтить, чтобы человѣкъ, встрѣченный съ негодованіемъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль сдѣлался многоуважаемымъ, любимымъ массой молодыхъ людей. Только такому даровитому чужаку, какимъ былъ Пироговъ, и возможно было достигнуть этого такъ скоро».

Съ неутомимымъ рвеніемъ Пироговъ отдается занятіямъ со студентами, ежедневно тратя на эти занятія по 6—8 часовъ; въ тоже время онъ разрабатываетъ цѣлый рядъ вопросовъ по различнымъ отдѣламъ хирургіи. Пироговъ преподавалъ хирургію во всемъ ея объемѣ, т. е. теоретическую, оперативную и клиническую, читая въ тоже время глазныя болѣзни и завѣдуя глазной клиникой. Вся

тяжесть такого обширнаго преподаванія падала на молодого, еще не опытнаго наставника. „Одинъ, нѣтъ другого“, говорилъ Пироговъ.

Опубликованная имъ въ 1837—1838 г.г. на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ атласомъ, „Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій“ произвела фуроръ за границей, удостоена была Академіей наукъ Демидовской преміи и сохранила до настоящаго времени свою цѣнность.—Пироговъ былъ избранъ въ „ординарные профессора“.

Въ январѣ 1837 г., Пироговъ командированъ былъ Дерптскимъ университетомъ за границу, въ Парижъ, для усовершенствованія. Въ Парижѣ Пироговъ познакомился со свѣтилами французской хирургіи и былъ принятъ ими, какъ уже извѣстный анатоми-хирургъ.

Между прочимъ разсказывается такой фактъ: Пироговъ явился къ знаменитому въ то время преставителю французской врачебной школы, профессору-хирургу Velreau и засталъ его разсматривающимъ изданный имъ—Пироговымъ анатомическій атласъ сосудовъ и фасцій. Узнавъ, что Пирогова привлекло въ Парижъ желаніе учиться у него—Velreau, послѣдній сказалъ Пирогову: „не Вамъ учиться у меня, а мнѣ у Васъ“! И это было въ то время, когда Пирогову минуло всего 26 лѣтъ!

Вернувшись изъ-за границы, Ник. Ив.—чл. съ прежнимъ рвеніемъ продолжаетъ свои занятія въ Дерптскомъ университетѣ. Преподаваніе хирургіи онъ старался дѣлать возможно болѣе нагляднымъ, демонстративнымъ. И въ тоже время Н. И. приучалъ студентовъ систематически мыслить у постели больнаго, о чемъ тогда совсѣмъ не заботились.

Пять лѣтъ профессорствовалъ Пироговъ въ Дерптѣ, нынѣшнемъ Юрьевѣ и за это время опубликовалъ нѣсколько капитальныхъ работъ и два тома клиническихъ анналовъ за 1836/1837 и 1837/1839 годы. Между прочимъ, Пироговъ въ Дерптѣ первый сдѣлалъ перерѣзку Ахиллова сухожилія при косолопости, произведя многочисленныя опыты на животныхъ для выясненія процесса срастанія перерѣзаннаго сухожилія.

Въ „Клиническихъ анналахъ“ обрисовывается высокая нравственная сторона дѣятельности Н. И. Пирогова, его высокая научная правдивость, далеко необычная въ нашихъ устахъ!

„Служеніе наукъ вообще всякой не что иное, какъ служеніе истинѣ. Въ бытность мою за границей я убѣдился, что научная истина далеко не есть главная цѣль знаменитыхъ клиницистовъ и хирурговъ. Было вездѣ замѣтно стараніе продать товаръ лицомъ. И это было еще ничего. Но съ тѣмъ вмѣстѣ товаръ худой и недоброкачественный продавался за хорошій, и кому? Молодежи неопыт-

ной, незнакомой съ дѣломъ, но инстинктивно ищущей научной правды. Видѣвъ все это, я положилъ себѣ за правило,—говорить въ этихъ анналахъ Н. И. Пироговъ,—ничего не скрывать отъ моихъ учениковъ и всегда открывать предъ ними свои ошибки, будутъ ли онѣ въ диагнозѣ болѣзни или въ ея лѣченіи. Въ этомъ духѣ я и написалъ свои анналы“.

„Всего годъ, какъ я облеченъ должностію директора клиники, и отваживаюсь повѣдать свою дѣятельность врачебному міру. Это произведеніе, слѣдов., должно содержать незрѣлое и плохо удавшееся. Оно, м. б., будетъ кричать объ ошибкахъ начинающаго, но оно укажетъ на то, отъ чего долженъ остеречь себя юный врачъ. Оно, м. б., научить не тому, какъ нужно поступать, а, наоборотъ, какъ не слѣдуетъ поступать“.

„Критика, появившаяся въ нѣмецкихъ журналахъ тотчасъ по выходѣ моихъ „анналовъ“ въ свѣтъ,—говоритъ Пироговъ въ своей автобіографіи въ 1880 г.,—показала, что я вложилъ перстъ въ раны многихъ клиническихъ учителей“.

Профессура въ Дерптѣ, въ небольшомъ провинціальномъ городѣ, въ университетѣ съ маленькой хирургической клиникой, понятно, не могла удовлетворить такъ мощно развивавшійся хирургическій геній Пирогова. Естественно было желаніе Пирогова при-мѣнить свои силы на болѣе обширномъ научномъ поприщѣ.

Происшедшее къ тому времени преобразование Петербургской Медико-хирургической академіи, переходъ ея изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ военное вѣдомство повлекли за собой и переходъ Н. И. Пирогова изъ Дерпта въ Петербургъ, въ Медико-хирургическую, нынѣ Военно-медицинскую, Академію.

„Научный и нравственный уровень Петербургской Медико-хирургической академіи въ концѣ 1830-хъ годовъ былъ въ упадкѣ“. Надо было, говоритъ Н. И., случиться потрясающему событію, чтобы произошелъ потомъ поворотъ къ лучшему. И вотъ что случилось по описанію этого событія проф. Тарнецкимъ.

Студентъ фармаціи 3-го курса Сочинскій въ іюнь 1838 г., выдержавъ на курсовомъ экзаменѣ всѣ предметы, провалился по одной химіи. Раньше Сочинскій служилъ въ полку, дослужился до полкового фельдшера и затѣмъ принять былъ по протекціи въ Академію въ фармацевтическое отдѣленіе. Невыдержаніе экзамена по химіи грозило Сочинскому отправленіемъ обратно въ полкъ, гдѣ у него уже были «исторіи». На переэкзаменовкѣ по химіи Сочинскій снова провалился, и вотъ онъ въ отчаяніи и изступленіи, принявъ предварительную ядъ—двѣ унціи свинцоваго сахару—вбѣжалъ съ ножомъ (перочиннымъ) въ рукахъ въ засѣданіе конференціи Академіи и нанесъ рану въ животъ одному изъ профессоровъ, ранилъ и прибѣжавшихъ швейцара и унтеръ-офицера;—раны оказались у всѣхъ не тяжелыми. Послѣ

слѣдствія и военнаго и административнаго суда вынесенъ былъ такой приговоръ: собрать всѣхъ студентовъ Академіи и профессоровъ и въ ихъ присутствіи наказать виновнаго шпицрутенами, прогнавъ его сквозь строй 500 чел. три раза и отослать его закованнымъ въ Кронштадтскія арестантскія роты на 10 лѣтъ.

Результатомъ печальнаго событія, чрезъ 1½, мѣсяца послѣ него, состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ Медико-Хирургической Академіи изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ военное вѣдомство, что повело къ значительному улучшенію Академіи. Къ ней присоединены были два военныхъ госпиталя, отпущены были средства на расширеніе Академіи и т. д.

Новый попечитель Академіи, дежурный генераль Клейнмихель рѣшилъ преобразовать Академію и прежде всего ввести новый и прежде неизвѣстный элементъ въ составъ профессоровъ академіи: замѣстить всѣ вакантныя и вновь открывающіяся кафедры профессорами, получившими образованіе въ университетахъ. До этого времени былъ въ Академіи лишь одинъ профессоръ университетскаго образованія, это—докторъ Зейдлицъ, ученикъ Дерптскаго университета и бывший ассистентъ проф. Мойера. Благодаря Клейнмихелю, въ скоромъ времени въ конференцію Академіи вмѣсто одного профессора, получившаго университетское образованіе, явилось уже восемь. Между прочимъ, изъ Казанскаго университета приглашены были въ Академію профессора Дубовицкій (въ 1840 г.), Зининъ и Китеръ (въ 1848 г.)¹⁾.

Освободилась къ тому времени кафедра хирургіи и вотъ на эту кафедру проф. Зейдлицъ въ концѣ 1839 г. пригласилъ Пирогова. Но Ник. Ив.—чъ не согласился занять кафедру хирургіи безъ хирургической клиники, которою завѣдывалъ другой профессоръ—Саломонъ. Пироговъ предложилъ учредить при академіи новую кафедру—госпитальной хирургической клиники.

Молодые врачи,—говорилъ въ своемъ проэктѣ Ник. Ив.,—почти совсѣмъ не имѣютъ правтческаго медицинскаго образованія, такъ какъ наши клиники обязаны давать имъ только главныя, основныя понятія о распознаваніи, ходѣ и лѣченіи болѣзней. Поэтому наши молодые врачи, вступая на службу и дѣлаясь самостоятельными при постели больныхъ, въ больницахъ, военныхъ лазаретахъ и

¹⁾ Какъ цѣнили Китера, какъ профессора (гинеколога и хирурга): когда министр народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ узналъ объ избраніи Китера въ профессора медико хирургической академіи, то онъ рѣшительно отказался уволить его отъ службы въ Казанскомъ Университетѣ. Не помогала и обращенная лично къ графу просьба военнаго министра; на эту просьбу Уваровъ отвѣчалъ упрямомъ по адресу Академіи, которая, сама не приготавливая ученыхъ, только отнимаетъ ихъ отъ университетовъ. Тогда военный министръ обратился непосредственно къ Государю, который и рѣшилъ споръ въ благопріятномъ для академіи смыслѣ. (Н. П. Загоскинъ, Біографическій словарь профессоровъ Казанскаго Университета).

частной практикѣ, приходятъ въ весьма затруднительное положеніе, не приносятъ ожидаемой отъ нихъ пользы и не достигаютъ цѣли своего назначенія“. Въ цѣляхъ устраненія такого важнаго пробѣла Пироговъ и предложилъ, сверхъ обыкновенныхъ клиникъ, учредить еще госпитальныя.

Въ Петербургской медико-хирургической академіи можно было бы, указывая Пирогову, сейчасъ-же приступить къ устройству госпитальныхъ клиникъ во второмъ военно-сухопутномъ (нынѣ клиническомъ) госпиталѣ съ его 1.800 кроватями, только-что (1840 г.) присоединенномъ въ Академіи въ научныхъ цѣляхъ. Попечитель академіи, генералъ Клейнмихель, одобрилъ прозвъ Пирогова и лично сказалъ ему, во время представленія ему Пирогова, что все будетъ сдѣлано; препятствіе можетъ встрѣтиться только въ министерствѣ Уварова (народнаго просвѣщенія); но онъ—Клейнмихель надѣется уладить дѣло.

Пока шли переговоры, Ник. Ив—чъ отправился въ Орловское имѣніе проф. Мойера и тамъ сдѣлалъ предложеніе дочери Мойера Екат. Ив., о чемъ давно уже думалъ. Послѣдовалъ однако отказъ и главнымъ образомъ потому, что «женѣ Пирогова,—говорила своей подругѣ Е. И. Мойеръ,—надо опасаться, что онъ будетъ дѣлать эксперименты и надъ нею».

Говоря это, замѣчаетъ Н. И. Пироговъ, Е. И. Мойеръ, конечно, не знала, что чрезъ годъ придется ей писать въ лестныхъ выраженіяхъ поздравительное письмо къ подругѣ своего дѣтства, Екатериинѣ Дмитріевнѣ Березиной, не побоявшейся мучителя дерптскихъ собакъ и кошекъ и вышедшей безтрепетно замужъ за него».

Послѣ 10 мѣсяцевъ переписки между министерствами военнымъ и народнаго просвѣщенія, Н. И. Пироговъ 18 января 1841 г. опредѣленъ былъ ординарнымъ профессоромъ Петербургской Медико-хирургической, нынѣ Военно-медицинской, Академіи. Пирогову поручено было преподаваніе патологической и хирургической анатоміи и усовершенствованіе кабинетовъ ихъ, и въ то же время—будучи по назначенію помощникомъ главнаго доктора 2-го военно-сухопутнаго госпиталя—самостоятельно завѣдывать его хирургическимъ отдѣленіемъ, превративъ его въ госпитальную хирургическую клинику. Только по дѣламъ госпитальной администраціи Пироговъ обязанъ былъ сношаться съ главнымъ докторомъ госпиталя.—2 марта 1841 г. Н. И. Пироговъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Тѣмъ временемъ, состоялось преобразование въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Медицинскаго Совѣта, а въ министерствѣ народнаго просвѣщенія учреждена была особая коммиссія по дѣламъ, касающимся медицинскихъ факультетовъ.

И въ Медицинскій Совѣтъ и въ особую комиссію избранъ былъ членомъ и Н. И. Пироговъ.

Интересно характеризуетъ Н. И. прежній Медицинскій Совѣтъ. Это было такое странное учрежденіе,—разсказываетъ Н. И.,—что члены его имѣли право дѣлать докторами медицины, безъ экзамена, другъ друга и другихъ лицъ, имъ нравившихся. Происходилъ—примѣрно—слѣдующій наивный обмѣнъ мыслей: «Василій Васильевичъ! имѣю честь поздравить васъ со степенью доктора медицины! А вамъ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ (примѣрно), желательно быть медико-хирургомъ? «Нѣтъ, если бы угодно вашему превосходительству выхлопотать мнѣ землицы, то я предпочелъ бы это награжденіе наградъ ученой степенью», и т. под.

Съ преобразованіемъ, въ началѣ 1840-хъ годовъ, Медицинскаго Совѣта, Совѣтъ этотъ уже лишился своего права дарить (безъ экзамена) ученныя степени и сдѣлался чисто административно-и судебно-врачебнымъ учрежденіемъ.— Въ это время Н. И. Пироговъ и избранъ былъ въ члены Медицинскаго Совѣта.

Большія заслуги предъ медициной Н. И. Пироговъ оказалъ и во вновь образованной медицинской комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Комиссія эта вѣдала всѣ дѣла и даже выборы профессоровъ медицинскаго факультета всѣхъ русскихъ университетовъ. Почти всецѣло этой комиссіей учреждался и избирался откывавшійся въ то время медицинскій факультетъ Кіевскаго университета. Самымъ важнымъ дѣломъ Комиссіи Н. И. Пироговъ считаетъ пересмотръ комиссіей статута объ экзаменахъ на медицинскія степени.

Въ старомъ экзаменаціонномъ статутѣ допускалось пѣльхъ 6 медицинскихъ степеней: лѣкари 1-го отдѣленія, 2-го и 3-го, докторъ медицины, докторъ медицины и хирургіи и медико-хирургъ.

По правиламъ, введеннымъ въ декабрѣ 1838 г., вмѣсто правилъ 1810 г., установлены были слѣдующія ученныя степени и званія по части медицинской:

- 1) Лѣкарь (Medicus).
- 2) Штабъ-Лѣкарь (Medicus superioris ordinis).
- 3) Медико-Хирургъ (Medico-chirurgus).
- 4) Докторъ-медицины (Doctor medicinae).
- 5) Докторъ медицины и хирургіи (Doctor medicinae et chirurgiae).
- 6) Инспекторъ врачебной управы (Physicus).
- 7) Акушеръ (Medicus obstetricius).
- 8) Дантистъ (Dentiducus).
- 9) Повивальная бабка (Obstetrix).

Н. И. Пироговъ предложилъ оставить только двѣ степени: лѣкаря и доктора медицины; но коммисія въ 1845 г. оставила еще третью степень: доктора медицины и хирургіи.

Медицинскія ученія степени и званія, кромѣ указанныхъ «учено-практическихъ», остались еще: «учено-служебныя»: уѣздный врачъ, члены врачебной управы: акушеръ и операторъ; инспекторъ врачебной управы, и «спеціально-практическія»: дантистъ и повивальная бабка.

Новыми правилами уничтожены были званія штабъ-лѣкаря и медико-хирурга.

Введеніе демонстративныхъ испытаній изъ анатоміи, терапіи и хирургіи, предложенное Н. И. Пироговымъ, принято было единогласно.

Новыя кафедры госпитальной хирургической клиники и госпитальной терапевтической клиники, учрежденныя по проекту Пирогова въ Петербургской Медико-хирургической академіи, по его же предложенію, приняты были коммисіей и утверждены министерствомъ народнаго просвѣщенія и для всѣхъ русскихъ университетовъ.

Первые два года пребыванія въ Медико-хирургической Академіи Н. И. Пироговъ посвятилъ приведенію въ порядокъ своего госпитальнаго хирургическаго отдѣленія, обширной оперативной практикѣ и патолого-анатомическимъ вскрытіямъ труповъ, поступавшихъ изъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя.

Осмотрѣвъ этотъ госпиталь и свое въ немъ хирургическое отдѣленіе, заключавшее въ себѣ болѣе 700 кроватей, Пироговъ пришелъ въ ужасъ отъ безобразнаго состоянія госпиталя: „вся вентиляція огромныхъ палатъ (на 60—100 кроватей) въ главномъ каменномъ корпусѣ основывалась на длинномъ корридорѣ, а вентиляція корридора—на ретирадникахъ. Въ гангренозномъ отдѣленіи сердце надрывалось видомъ молодыхъ здоровыхъ гвардейцевъ съ гангренозными бубонами, разрушавшими всю брюшную стѣнку. Палаты госпиталя были переполнены больными съ рожистыми воспаленіями, острогнойными отеками и гнойнымъ зараженіемъ крови.—Для операціонныхъ не было ни одного, хотя бы плохого, помѣщенія“.

А вотъ какіе порядки господствовали въ госпиталѣ:

„Тряпки подъ припарки и компрессы переносились фельдшерами, безъ зазрѣнія совѣсти, отъ ранъ одного больного къ другому. Лѣкарства были плохія. Хлѣбъ и вся вообще провизія, отпускавшаяся на госпитальныхъ больныхъ, была ниже всякой критики. Воровство было не ночное, а дневное. Въ послѣднее время дошло и до того, что госпитальное начальство начало продавать по-

держанные и снятые съ ранъ: корпію, повязки, компрессы и проч., и для этой торговой операціи складывало воиющія тряпки, снятія съ ранъ, въ особыя камеры, расположенныя возлѣ палатъ съ больными“.

Съ необычайной энергіей, настойчивостью и рѣшительностью принялся Пироговъ за очистку авгіевыхъ конюшенъ и въ тоже время съ нѣмецкимъ усердіемъ приступилъ къ хирургическому лѣченію той массы больныхъ, которые требовали разныхъ операцій, особенно ампутацій и резекцій, вскрытія глубокихъ фистулъ, извлеченія севестровъ и т. д.

„Въ теченіе цѣлаго года, изо дня въ день“, Н. И. Пироговъ занимался съ больными и оперированными „въ страшныхъ помѣщеніяхъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя и въ отвратительныхъ до невозможности—старыхъ баняхъ этого же госпиталя; въ нихъ, за неимѣніемъ другихъ помѣщеній, Пироговъ производилъ и вскрытія группъ, иногда по 20 въ день, въ лѣтніе жары, а зимою, во время ледохода (ноябрь, декабрь) я,—замѣчаетъ Пироговъ,—перезѣзжалъ ежедневно по два раза на Выборгскую, пробиваясь иногда часа по два между льдинами“.

Пирогову негдѣ было читать лекціи и дѣлать операціи. Устроили особую операціонную, гдѣ Пироговъ и читалъ лекціи, и дѣлалъ операціи, и производилъ вскрытія (на одномъ и томъ-же столѣ). Инструментовъ настолько было мало, что Пироговъ принужденъ былъ употреблять собственные инструменты.

Непрерывная, изо дня въ день, и при столь ужасныхъ условіяхъ, работа скоро сказалась на здоровьи Ник. Ив-ча: онъ заболѣлъ и вынужденъ былъ слечь въ постель; это было въ февралѣ 1842 г. Шесть недѣль пролежалъ я въ постели, — рассказываетъ Н. И., — „не двигаясь, безъ всякихъ лѣкарствъ, потерявъ къ нимъ всякое довѣріе“. Болѣзнь, выражавшаяся головокруженіями и общей слабостью, бессонницей и явленіями желудочно-кишечныхъ расстройствъ, объяснялась госпитальными и анатомическими занятіями.

Оригинальное явленіе: «какъ только наступило выздоровленіе,—рассказываетъ Николай Ивановичъ,—такъ появился вдругъ позывъ къ куренію табаку. До 30 лѣтъ я ни разу ничего не курилъ; цѣлые часы проводилъ въ анатомическомъ театрѣ и ни разу не чувствовалъ позыва къ куренію. А тутъ, вдругъ, захотѣлось; и я началъ курить тотчасъ-же довольно крѣпкія ситары“.

Съ своей болѣзнію Николай Ивановичъ связываетъ и крупный шагъ въ своей личной жизни.

«Во время этой болѣзни,—разсказываетъ Пироговъ,—мнѣ въ первый разъ въ жизни пришла мысль объ упованіи въ Промыселъ; что-то вдругъ какъ-будто озарило мое сознание. И вмѣстѣ съ упованіемъ зародилась въ душѣ какая-то сладкая потребность семейной любви и семейнаго счастья. И все это при концѣ моей болѣзни. Я счелъ это за призывъ свыше, и какъ только совсѣмъ оправился, то и поспѣшилъ освѣдомиться, гдѣ живетъ теперь пріятельница дѣтства Екатерины Мойеръ, ея однолѣтка Екатерина Березина», съ которой познакомился Пироговъ въ Дерптѣ въ домѣ Мойера. Узнавъ о проживаніи Березиныхъ въ Петербургѣ, Николай Ивановичъ сдѣлалъ письменное предложеніе, на которое тотчасъ было получено согласіе.

Въ теченіе мѣсяца временной разлуки съ своей невѣстой, я,—разсказываетъ Николай Ивановичъ въ 1881 г.,—«въ первый разъ въ жизни (32 лѣтъ) почувствовалъ грусть о жизни. Въ первый разъ я пожелалъ безсмертія—загробной жизни. Это сдѣлала любовь. Захотѣлось, чтобы любовь была вѣчна,—такъ она была сладка. Умереть въ то время, когда любишь, и умереть на вѣки, безвозвратно, мнѣ показалось тогда, въ первый разъ въ жизни, чѣмъ-то необыкновенно страшнымъ. Потомъ это грустное чувство, это желаніе беспредѣльной жизни, жизни за гробомъ, постепенно исчезло, не смотря на то, что я продолжалъ любить жену и дѣтей. Со временемъ я узналъ по опыту, что не одна только любовь составляетъ причину желанія вѣчно жить...»¹⁾

11 ноября 1842 г. состоялся бракъ съ Е. Д. Березиной, отъ котораго у Н. И. было два сына: Николай, умершій въ 1891 г., и Владиміръ, родившійся въ 1846 г.

Супруга Н. Ив—ча, жившая, между прочимъ, по его желанію, очень замкнуто, чрезъ 4 года умерла.

Въ «Сборникѣ» Рачинскаго напечатаны 4 интересныхъ письма Н. И. Пирогова къ г-жѣ Огонь-Догановской, отъ 1842—1845 г.г. Письма эти выражаютъ волновавшія Ник. Ив—ча чувства при его первомъ вступленіи въ бракъ и тотчасъ послѣ безвременной и трагической смерти его первой жены.

Приводя эти письма, д-ръ Владиславлевъ справедливо говорить: «Посмотрите, какое нѣжное сердце билось въ груди отца нашей отечественной хирургіи! Съ какимъ героизмомъ переносилъ онъ постигавшія его скорби! Какъ ясенъ при нихъ оставался его умъ и тверда сила воли! Старый афоризмъ, что человекъ познается въ несча-

¹⁾ Здѣсь кончается «Дневникъ стараго врача», подъ датой 22 октября 1881 г.; 23 ноября 1881 г., чрезъ мѣсяцъ, Пироговъ умеръ отъ рака.

стии... Чтобы быть дѣйствительно человекомъ, у Пирогова можно столько же научиться, сколько—чтобы быть хирургомъ!»

Послѣ вторыхъ родовъ, на 10-ый день, у Екатерины Дмитриевны развился острый психозъ, «религіозная меланхолія». «Причина болѣзни,—пишетъ въ третьемъ своемъ письмѣ Ник. Ив.,—извѣстна одному Богу; кажется, однакоже, что неисполненное («суетное», говорить въ другомъ мѣстѣ письма Ник. Ив.—чтѣ) желаніе имѣть дочь играло важную роль въ произведеніи болѣзни».

Внезапная смерть любимой жены произвела на Николая Ивановича потрясающее впечатлѣніе, какъ это видно изъ тѣхъ же писемъ. Но онъ не палъ духомъ! Вотъ что онъ пишетъ г-жѣ Огонь-Догановской: «Теперь я ѣду (въ Италію) одинъ, съ пустымъ сердцемъ, съ грустными воспоминаніями; еще слава Богу, что, по крайней мѣрѣ, голова моя свободна, и я надѣюсь наконецъ осуществить мысль, которою долженъ быть проникнуть всякій, вступающій въ жизнь, что нѣтъ другого средства охранить сердце отъ разрушительныхъ сотрясеній, какъ то, что нужно стать выше бѣдствій. Трудно этого достигнуть; но кто хочетъ быть добрымъ, тотъ долженъ рѣшиться на это. Тутъ двѣ крайности. Если самъ не задушишь твердою волею и размышленіемъ о необходимости бѣдствія жизни, то они тебя задушатъ. Только жаль, что, что насъ мало приучаютъ (къ этому) съ дѣтства, что насъ не учатъ смотрѣть на жизнь съ настоящей стороны, обманываютъ нашу неопытность. Какъ мало, напримѣръ, мы все еще проникнуты мыслью о безсмертіи. Мы выговариваемъ только это слово, какъ попугай; но въ сущности, вѣрьте мнѣ, мы тѣже язычники и грубые, невѣжественные матеріалисты. Мы толкуемъ только, что мы вѣримъ въ другой міръ, а соотвѣтствуетъ-ли хоть одинъ нашъ поступокъ этому вѣрованію? Когда бы эта мысль проникнула совершенно наше существованіе, то она отразалась бы вездѣ»...

Въ 1851 г. Н. И. вторично женился, на дочери генераль-лейтенанта Бистрома, Александрѣ Антоновнѣ. Отъ второго брака у Пирогова дѣтей не было.

„Прошло уже года два моей госпитальной службы,—разсказываетъ Н. И. Пироговъ,—какъ вдругъ помощникъ его Неммертъ получаетъ отъ главнаго доктора 2-го военно-сухопутнаго госпиталя секретную бумагу слѣд. содержанія: „Замѣтивъ въ поведеніи г. Пирогова нѣкоторыя дѣйствія, свидѣтельствующія объ его умопомѣшательствѣ, предписываю вамъ слѣдить за его дѣйствіями и доносить объ оныхъ мнѣ“.

Узнавъ объ этомъ, Нив. Ив. объявилъ попечителю академіи, что онъ сейчасъ подастъ въ отставку, „если всему этому вопіющему дѣлу не будетъ дано хода“.

Дѣло кончилось тѣмъ, что, по приказанію попечителя академіи, главный докторъ долженъ былъ публично просить у Пирогова извиненія.

Послѣ этого извиненія президентъ академіи пригрозилъ было ассистенту Неммерту за сообщеніе Пирогову о секретной бумагѣ. Но я, — рассказываетъ Пироговъ, — остановилъ президента словами: „Профессоръ Неммертъ поступилъ тутъ какъ честный и благородный человѣкъ, и я не вижу, за что Вы такъ несправедливо относитесь съ выговоромъ къ Неммерту; я могъ бы принять вашъ неумѣстный выговоръ на мой счетъ — и не согласиться, въ такомъ случаѣ, на извиненіе (главнаго доктора) Лоссіевскаго“. Тѣмъ дѣло и кончилось.

По разсказу д-ра Бѣлогорскаго, въ 1845 г. Пироговъ испыталъ не меньшую неприятность изъ-за другого главнаго доктора госпиталя, Брунна, замѣнившаго Лоссіевскаго и державшаго себя по отношенію къ Пирогову вызывающимъ образомъ. Вслѣдствіе подстроенной исторіи съ однимъ больнымъ было предписано Пирогову производить операціи въ госпитальной клиникѣ не иначе, какъ съ общаго совѣщанія и разрѣшенія госпитальнаго медицинскаго начальства.

Находя такое распоряженіе вреднымъ для дѣла, оскорбленный Пироговъ 25 сент. 1845 г. подалъ прошеніе объ отставкѣ; но, къ счастью, дѣло уладилось и Пироговъ остался въ Академіи.

Съ 1846 г. главнымъ докторомъ госпиталя сталъ назначаться уже одинъ изъ профессоровъ медико-хирургической Академіи.

Въ 1841—1842 г.г. Пироговъ состоялъ членомъ Общества практическихъ врачей въ Петербургѣ. Въ засѣданіяхъ этого Общества Пироговъ сдѣлалъ до 69 сообщеній, относящихся б. ч. къ патологической анатоміи и все — на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ 1843 г. Пироговъ сгруппировалъ вокругъ себя небольшой кружокъ близкихъ друзей и товарищей по Дерптскому университету. Кружокъ этотъ образовалъ собою небольшое медицинское общество, называвшееся Pirogoff'scher Verein. Общество собиралось каждыя двѣ недѣли у кого-либо изъ членовъ по очереди. Выслушивались научныя сообщенія и происходилъ свободный обменъ мыслей. Доклады и пренія происходили на нѣмецкомъ языкѣ, потому что большая часть членовъ были нѣмцы, а Пироговъ въ научномъ отношеніи былъ восполнить.

Въ составъ Пироговскаго Общества входили: проф. Н. Ф. Злекауеръ, лейбъ-акушеръ Я. Я. Шмидтъ, проф. А. П. Загорскій, врачъ-писатель В. И. Даль, академикъ А. Θ. Мидендорффъ, штабъ-докторъ К. О. Розенбергеръ, главные врачи больницъ Лингенъ и Фоссъ, фармакологъ д-ръ Реймерсъ, окулистъ Фребеліусъ, докторъ Гигинботомъ.

Официальнаго устава кружокъ не имѣлъ, да и надобности въ немъ не было. Избраніе въ члены кружка производилось очень строго: требовалось безусловно единогласное избраніе.

Въ этомъ своемъ кружкѣ, менѣе чѣмъ за 10 лѣтъ, Н. И. Пироговъ сдѣлалъ большое число сообщеній и докладовъ—до 76. 23 октября 1854 г. Пироговъ, предъ отъѣздомъ на театръ войны въ Севастополь, въ послѣдней разъ присутствовалъ въ своемъ „Кружкѣ“.

Въ 1844 г. Н. И. Пироговъ, желая осуществить первоначальное свое намѣреніе—поднять одновременно съ хирургіей и патологической анатоміей также и изученіе нормальной анатоміи, представилъ, совмѣстно съ профф. Зейдлицемъ и Бэрромъ, въ конференцію Академіи проектъ учрежденія при Академіи анатомическаго института, въ цѣляхъ широкаго практическаго изученія анатоміи.

По плану Пирогова, институтъ назначался для пракческаго изученія всѣхъ отраслей анатоміи въ одномъ мѣстѣ и въ этомъ институтѣ должны были заниматься не одни только студенты Академіи и прикомандированные къ ней военные врачи, но и врачи всѣхъ вѣдомствъ и вообще всякій, кто желалъ специально ознакомиться съ анатоміей. Институтъ могъ бы служить разсадникомъ профессоровъ анатоміи и прозекторовъ какъ для Академіи, такъ и для всѣхъ остальныхъ русскихъ учебно-медицинскихъ учреждений.

Далеко не безъ препятствій... анатомическій институтъ былъ учрежденъ въ 1846 г. и въ общемъ—по плану Пирогова, съ назначеніемъ его-же „управляющимъ анатомико-практическимъ отдѣленіемъ“, какъ былъ названъ анатомическій институтъ, первый не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Въ тоже время Пироговъ командируется за границу для пріобрѣтенія всего необходимаго для новаго института и съ цѣлью выбрать на должность прозектора анатоміи при академіи достойнѣйшаго изъ германскихъ прозекторовъ. Результатомъ поѣздки было приглашеніе въ 1847 г. въ Петербургъ, по рекомендаціи извѣстнаго вѣнскаго анатома Гиртля, прозектора его Грубера, столь знаменитаго впоследствии—сначала прозектора, а потомъ профессора анатоміи, въ Петербургской медико-хирургической академіи.

Можно смѣло сказать, говорить проф. Таренецкій, что Пироговъ проводилъ дни и ночи въ Академіи, занимаясь или преподаваніемъ или производствомъ операцій и опытовъ.

Лекціи Пирогова по описательной и топографической анатоміи на трупахъ отличались богатствомъ содержанія, наглядностью изложенія, были чужды быющихъ эффе́ктовъ и фразъ, дышали какой-то добродушной, чисто лѣтописной жизненностью и полной объективностью. По простотѣ изложенія, удобопонятности своихъ лекцій Пироговъ, какъ профессоръ, м. ск., не имѣлъ себѣ равнаго. Лекціи его настолько были интересны и богаты содержаніемъ, что собирали въ его аудиторію не только студентовъ и врачей, но также и художниковъ, дамъ и военныхъ.

Свои анатомическія занятія Пироговъ производилъ сначала или въ трупномъ покоѣ госпиталя или въ одной большой комнатѣ прежняго анатомическаго покоя, а съ 1847 г.—въ новомъ анатомическомъ институтѣ. Какъ примитивно, прямо убійственно обставленъ былъ этотъ новый институтъ, гдѣ профессоръ (Пироговъ) и его помощники проводили дни и вечера, въ занятіяхъ на трупахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго описанія его.

Зданіе института и мебель въ немъ—деревянная. „Зало отапливалось двумя желѣзными печками и въ зимнее время вокругъ ихъ пирамидами клялись мерзлые трупы для оттаиванія“. Въ одномъ углу „устроенъ былъ огромный мѣдный умывальникъ, вѣчно грязный и вѣчно обложенный пропитанными кровью губками и тряпками. Освѣщеніе—12-тью маслянными лампами, повѣшенными надъ столами,—было до того тускло, что профессоръ и прозектора при занятіяхъ со студентами должны были брать сальныя свѣчи. Въ этомъ помѣщеніи кипѣла работа съ утра до поздняго вечера: утромъ производились судебно-медицинскія и анатомо-патологическія вскрытія, а съ 3¹/₂ часовъ дня студенты и врачи занимались препаративкой и производствомъ хирургическихъ операцій на трупахъ. Въ вечерніе часы вся эта огромная комната, переполненная трупами во всѣхъ положеніяхъ и видахъ, окруженными массой студентовъ, одѣтыхъ въ черные клеенчатые фартуки, при тускломъ освѣщеніи и копоти масляныхъ лампъ, окутанная облаками табачнаго дыма, производила странное впечатлѣніе, напоминая собою скорѣе картину пещеры изъ Дантоваго ада, чѣмъ мѣсто для научныхъ изслѣдованій“ (Таренецкій).

Анатомическій институтъ окруженъ былъ госпитальными и академическими клиниками. И вотъ, откуда бы ни дулъ вѣтеръ, міазмы—вонь препаративочной, гдѣ недѣлями хранилась безъ какой-либо дезинфекціи масса гнѣющихъ труповъ, разносилась по клиникамъ.

Опасныя послѣдствія такой обстановки ежедневныхъ и продолжительныхъ занятій анатоміей не заставили себя скоро ждать... и изъ пяти помощниковъ профессора Пирогова трое умерли въ скоромъ времени.

Анатомическій институтъ учрежденъ былъ на 5 лѣтъ. По истеченіи этого срока Пироговъ поставилъ условіемъ продолженія своей службы въ Академіи дальнѣйшее существованіе института, и институтъ былъ оставленъ и уже безъ срока.

По возвращеніи изъ-за границы въ 1847 г., Пироговъ принялся за опыты надъ дѣйствиемъ паровъ эфира на животный организмъ,—вопросъ тогда совершенно новый. Въ 1847 г. Медицинскій Совѣтъ, разсматривавшій, по предложенію Министра, вопросъ о примѣненіи эфирнаго наркоза при операціяхъ, призналъ необходимымъ произвести наблюденія въ клиническихъ заведеніяхъ Академіи и въ городскихъ больницахъ. Въ февралѣ 1847 г. въ клиникахъ Саломона и Пирогова впервые было произведено подъ эфирномъ наркозомъ 9 операцій.

Изучивъ этотъ вопросъ экспериментально на животныхъ (45 опытовъ), выработавъ технику этеризаціи per os, Пироговъ приступилъ къ наблюденіямъ на людяхъ—сначала здоровыхъ (40 наблюденій), а затѣмъ надъ больными-оперируемыми (50 операцій). Въ двухъ случаяхъ наблюдалась „раздражительность легкихъ“, въ виду чего Пироговъ придумалъ способъ вводить эфиръ и per rectum. Авторъ убѣдился въ совершенной пользѣ эфира и предрекалъ эфиру большую будущность въ смыслѣ преобразования оперативной хирургіи. Полученные результаты были опубликованы Пироговымъ сначала на русскомъ языкѣ, а затѣмъ на французскомъ.

Какъ разъ въ это время происходили наши военныя дѣйствія на Кавказѣ, и 18 мая 1847 г. Пироговъ командируется на Кавказъ для указанія врачамъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса способъ употребленія паровъ эфира при производствѣ хирургическихъ операцій, „во вниманіе къ благотвѣльному дѣйствию эфира на оперируемыхъ, подтвержденному многочисленными опытами“, какъ было сказано въ Высочайшемъ повелѣніи о командированіи Пирогова.

И вотъ въ 1847 г. на Кавказѣ, на поляхъ Дагестана (при осадѣ укрѣпленія Салты), впервые во всемъ мірѣ, на полѣ брани примѣнена была этеризація съ цѣлью обезболить операціи! И такое великое благодѣяніе оказывалось Пироговымъ и его помощниками несчастнымъ раненымъ подачей имъ хирургической помощи—безболѣзненно!

Сдѣлано было до 100 операций съ помощію эфира и большею частью тотчасъ послѣ раненія на перевязочномъ пунктѣ, и всегда безъ всякаго вреда для оперированныхъ. Этеризація производилась въ присутствіи постороннихъ лицъ, чтобы пріучить не страшиться усыпленія. Общій итогъ смертности при операцияхъ подъ эфиромъ = 24%, не превышавшимъ обыкновеннаго % смертности въ госпиталяхъ“.

На Кавказѣ съ большимъ успѣхомъ примѣнена была Пироговымъ и неподвижная крахмальная повязка при лѣченіи сложныхъ переломовъ, чѣмъ оказывалось также большое благодѣяніе раненымъ при переноскѣ и перевозкѣ ихъ.—Съ прекраснымъ результатомъ примѣнены были для транспорта раненыхъ алжирскія носилки, прикрѣпленныя къ вьючнымъ сѣдамъ по обѣимъ сторонамъ—на мулахъ или лошадяхъ.

При какихъ тяжелыхъ условіяхъ приходилось работать Пирогову на Кавказѣ! Вотъ въ какомъ полевомъ лазаретѣ, устроенномъ самимъ Пироговымъ, пришлось ему дѣлать операціи, при осадѣ Салты: лазаретъ составляли нѣсколько шалашей изъ древесныхъ вѣтвей, покрытыхъ сверху соломой. Въмѣсто кооекъ служили двѣ длинныя скамьи, сложенныя изъ камней и покрытыя тоже соломой; между ними были прорыты канавы для стока жидкостей. На этихъ-же камняхъ Пироговъ съ своими помощниками и дѣлалъ свои операціи и перевязки, обыкновенно стоя на колѣняхъ и въ согнутомъ положеніи тѣла. Въ дни штурмовъ приходилось такъ работать болѣе 12 часовъ въ сутки. Все время осады Салтовъ, около двухъ мѣсяцевъ, Пироговъ прожилъ въ солдатской палатѣ, безъ пола.

Въ концѣ 1847 г. Пироговъ, выполнивъ данное ему порученіе и доказавъ, что обезболиваніе эфиромъ вполне примѣнимо и на полѣ брани,—осмотрѣвъ затѣмъ почти всѣ госпитали на Кавказѣ и югѣ Россіи, въ сознаніи честно исполненнаго долга, возвратился въ Петербургъ, гдѣ съелъ долгомъ сейчасъ же явиться къ военному министру.

Это представленіе чуть не стоило Пирогову отставки.

Вотъ что рассказываетъ Ник. Ив—чъ въ своихъ письмахъ (1876 г.) къ баронессѣ Раденъ объ аудіенціи у военнаго министра: «Утомленный мучительными трудами, въ нервномъ возбужденіи отъ результата своихъ испытаній на полѣ битвы, я велѣлъ о себѣ доложить военному министру почти тотчасъ по своемъ пріѣздѣ, и не обратилъ вниманія, въ какомъ платьѣ я къ нему явился. За это я долженъ былъ выслушать рѣзкій выговоръ на счетъ моего нерадѣнія къ установленной формѣ отъ почетителя Академіи. «Я такъ былъ разсерженъ, что со мною приключился

историческій припадокъ. Послѣ этой выходки я твердо рѣшился подать въ отставку и проститься съ академіей».

Къ счастью, узнаеть объ этомъ рѣшеніи Пирогова великая княгиня Елена Павловна, выдающаяся женщина, серьезно уважавшая знаніе, науку и искусство. Высоко цѣня заслуги Пирогова, вел. кн. Елена Павловна тотчасъ же приглашаетъ Николая Ивановича къ себѣ, не будучи до того времени лично знакома съ нимъ.

«Никогда не забуду,—пишетъ Пироговъ чрезъ 30 лѣтъ послѣ этой аудіенціи,—въ какомъ душевномъ разстройствѣ я тогда предсталъ предъ великой княгиней, почти немедленно послѣ официальной аудіенціи у военнаго министра, гдѣ получилъ не заслуженный выговоръ.—Великая княгиня выразила мнѣ своею любознательностью и уваженіемъ къ знанію то, что выразить слѣдовало-бы главѣ научнаго заведенія. Она вошла во всѣ подробности моихъ занятій на Кавказѣ, интересовалась результатами анестизаціи на полѣ сраженія; словомъ, обращеніе великой княгини со мною было таково, что я устыдился своей минутной слабости». И... Пироговъ остался въ Академіи.

Но не прошло и года, какъ Николай Ивановичъ снова переживаетъ крупную непріятность.

Съ переѣздомъ въ Академію для Н. И. Пирогова начался рядъ непріятностей и столкновеній—и не только съ госпитальной и академической администраціей, но также и съ его товарищами по Академіи. Прежде всего далъ знать себя 2-ой военно-сухопутный госпиталь, вслѣдствіе безобразныхъ гигиеническихъ условій его и злоупотребленій и недостатковъ по хозяйственной части и по части медикаментовъ. При такихъ условіяхъ больные умирали десятками и сотнями отъ госпитальной гангрены, отъ рожи и отъ цынги. Нельзя поэтому удивляться, что первыя столкновенія произошли съ главнымъ докторомъ госпиталя (Лосіевскимъ), для котораго постоянныя требованія Пирогова объ улучшеніи его хирургическаго отдѣленія и быта больныхъ были такъ непріятны, что онъ, желая отдѣлаться отъ безпкойнаго профессора, рѣшился, какъ уже было разсказано, выставить Пирогова сумасшедшимъ. Далѣе, академическое начальство—въ лицѣ попечителя и президента—имѣло также достаточно поводовъ быть недовольнымъ дѣйствіями Пирогова.

Пироговъ, привыкшій къ порядкамъ Дерптскаго университета, мало или вовсе не обращалъ вниманія на чисто формальную сторону служебной жизни, ежегодно перерасходовалъ назначенныя ему по штату средства, постоянно ходатайствовалъ объ отпускѣ добавочныхъ суммъ для клиники, анатомическаго института и для изданія своихъ сочиненій, мало заботился объ официальной от-

четности и т. д. Попечителемъ Академіи сдѣлано было Пирогову замѣчаніе за слишкомъ неосмотрительную трату денегъ.

Неуплата въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ должныхъ за препараты суммъ помощнику и протезѣ Пирогова—Грубери доставляла Ник. Ив—чу также много неприятностей.

Отношенія Пирогова къ своимъ товарищамъ по службѣ также не отличались особенной душевной теплотой: многіе считали Пирогова неуживчивымъ и тяжелого характера; другіе завидовали его возрастающимъ успѣхамъ. Въ немалой степени эти отношенія ухудшились еще отъ того, что Пироговъ тотчасъ послѣ своего перехода изъ Дерпта держался за одно съ профессорами нѣмецкаго происхожденія: Бэрромъ, Зейдлицемъ, Эйхвальдомъ и др. Считающаго себя обиженнымъ нѣкоторыми постановленіями конференціи Академіи, Пироговъ по дѣльмъ годамъ не участвовалъ въ ея засѣданіяхъ.

Съ преобразованиемъ Медико-хирургической Академіи въ 1838 г., обнаруживается весьма любопытное явленіе въ академической жизни—возникновеніе партійной борьбы, раздѣлившей конференцію Академіи на два враждебныхъ лагеря и оразившейся очень важными послѣдствіями въ ходѣ академическихъ дѣлъ. Довольно однородный составъ профессоровъ академіи въ предшествовавшіе годы—почти исключительно изъ русскихъ людей и воспитанниковъ Академіи измѣнился теперь со вступленіемъ въ конференцію посторонняго элемента въ лицѣ нѣсколькихъ видныхъ представителей науки, успѣвшихъ уже создать себѣ самостоятельное положеніе и извѣстныя убѣжденія, но не обладавшихъ, къ несчастію,—замѣчаетъ историкъ Академіи,—достаточной уравновѣшенностью въ характерѣ и необходимымъ безпристрастіемъ. Стремленіе стать выше другихъ, явное предпочтеніе всего иностраннаго, нѣмецкаго и презрительное отношеніе къ старымъ дѣятелямъ русской школы, естественно, должны были вызвать неудовольствіе и энергическій отпоръ. Начался расколъ среди профессоровъ со вступленіемъ въ конференцію проф. Эйхвальда, къ которому присоединились Пироговъ, Бэръ, Зейдлицъ, Мянновскій и русскій, но обучавшійся въ Дерптѣ, Загорскій.

Съ выходомъ въ отставку Эйхвальда и съ отъѣздомъ Пирогова въ Севастополь, откуда Пироговъ уже не возвращался въ Академію, страсти мало по малу улеглись, борьба стихла на долго,—однако, оставивъ слѣдъ по себѣ въ видѣ раздѣленія конференціи на русскую и нѣмецкую партіи и въ видѣ нѣкоторыхъ мѣропріятій и измѣненій устава, вызванныхъ избирательными недоразумѣніями.

Извѣстная часть петербургскихъ хирурговъ не могла простить Пирогову того, что онъ тотчасъ послѣ переѣзда изъ Дерпта

приобрѣлъ огромную хирургическую практику, и постоянно обвиняли его въ томъ, что онъ оперируемыхъ имъ больныхъ предоставлялъ для послѣдовательнаго лѣченія своимъ ассистентамъ.

Въ 1848 г. редакторъ „Сѣверной пчелы“ Булгаринъ напечаталъ нѣсколько рѣзкихъ статей противъ Пирогова. Пироговъ обвинялся въ увлеченіи одной быстротой оперировапія, затѣмъ— въ научномъ якобы плагиатѣ и въ преступномъ якобы незнаніи внутренней медицины. Истиннымъ виновникомъ нападковъ на Пирогова на страницахъ „Сѣверной пчелы“ считали одного изъ профессоровъ Академіи. Эти нападки такъ взволновали Пирогова, что онъ потребовалъ „судебнаго изслѣдованія всего дѣла по принятому закономъ порядку“, а когда на это военный министръ не согласился, Пироговъ подалъ въ отставку, обратившись къ попечителю Академіи съ весьма характернымъ и поучительнымъ письмомъ.

„Въ службѣ моей,—писалъ Н. И. Пироговъ,—я никогда не искалъ личныхъ выгодъ и потому оставляю ее, какъ скоро этого требуетъ мой взглядъ на собственное достоинство, которымъ я привыкъ дорожить“.

Дѣло было улажено военнымъ министромъ, который, выслушавъ самого Пирогова, уговорилъ его остаться въ Академіи, тѣмъ болѣе, что Булгаринъ извинился.

Въ клинику Пирогова до 1848 года поступали больные исключительно нижніе чины. Но еще въ 1845 г., когда Пироговъ, вслѣдствіе столкновеній его съ госпитальной администраціей, намѣревался оставить Академію, попечитель ея Веймарнъ, чтобы удержать Пирогова, предложилъ конференціи устроить для Пирогова и гражданское отдѣленіе на 30—50 чел. По финансовымъ соображеніямъ предложеніе было отклонено.

Когда же въ концѣ 1840-хъ годовъ для военныхъ пѣлей потребовалось много опытныхъ въ хирургіи врачей и въ этихъ пѣляхъ рѣшено было прикомандировывать къ Академіи молодыхъ врачей для усовершенствованія въ хирургіи, конференція академіи, по предложенію Пирогова, снова возбудила ходатайство о расширеніи госпитальной хирургической клиники устройствомъ въ ней гражданскаго отдѣленія. Въ результатѣ ходатайства, въ апрѣлѣ 1848 г. воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ гражданскаго отдѣленія на 75 кроватей и съ сентября того-же года открытъ былъ пріемъ. Т. о. въ распоряженіи Н. И. Пирогова стало отъ 350 до 375 кроватей.

Лѣтомъ 1848 г. Пироговъ отправился на 28 дней въ Дерптъ и Гельсингфорсъ для осмотра госпиталей. Въ то время по всей Россіи свирѣпствовала холера и Пироговъ уже въ Дерптѣ при-

ступилъ къ изученію патологической анатоміи холеры на трупахъ умершихъ отъ холеры.

По возвращеніи въ Петербургъ, гдѣ также свирѣпствовала холера, Н. И. Пироговъ съ неутомимой энергіей продолжалъ патолого-анатомическія изслѣдованія холерныхъ труповъ; онъ произвелъ въ теченіе 6 недѣль болѣе 500 вскрытій. Результатомъ этихъ массовыхъ изслѣдованій было изданіе Пироговымъ въ 1849 г. солидной монографіи: „Патологическая анатомія азиатской холеры“, съ прекраснымъ атласомъ раскрашенныхъ рисунковъ. — Работа эта удостоена была Демидовской преміи.

Въ 1849 г. Пироговъ опубликовываетъ на французскомъ языкѣ „Отчетъ“ о своемъ путешествіи по Кавказу. Въ этомъ отчетѣ Пироговъ излагаетъ сравнительные результаты своихъ наблюденій надъ дѣйствіемъ эфира (400 случаевъ) и хлороформа (300 случаевъ).

Еще во время пребыванія Пирогова на Кавказѣ, въ его клиникѣ 27 декабря 1847 г. было впервые испытано, по Высочайшему повелѣнію, „съ величайшей осторожностью“ дѣйствіе хлороформа (вмѣсто эфира) при операціяхъ. Въ присутствіи всей конференціи Академіи и директора военно-медицинскаго департамента—Пеликана подъ хлороформнымъ усыпленіемъ произведено было профф. Заблоцкимъ и Реклицкимъ 5 операцій: ампутація бедра, операція фимоза и др. Результаты операцій показали даже преимущества хлороформа предъ эфиромъ—болѣе скорое усыпленіе, но болѣе слабое дѣйствіе у вѣрскихъ людей и привыкшихъ къ спиртнымъ напиткамъ.

По возвращеніи съ Кавказа, Пироговъ сейчасъ же приступилъ къ примѣненію хлороформа на своихъ хирургическихъ больныхъ. Пироговъ находитъ преимущества хлороформа предъ эфиромъ въ операціяхъ у дѣтей, женщинъ и въ акушерской практикѣ.

Пироговъ пришелъ къ выводу, что вообще анестезированіе, при столь благотвѣльномъ его дѣйствіи при операціяхъ, не имѣло ни какого вреднаго вліянія на ходъ ранъ, нисколько не препятствовало ихъ заживленію чрезъ первое натяженіе или чрезъ нагноеніе и даже скорѣе оказывало благопріятное дѣйствіе на послѣдовательное раздраженіе въ оперированной части и во всемъ организмѣ. Далѣе, причины смерти анестезированныхъ ни чѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же у не-анестезированныхъ.

Проѣзжая въ Петербургъ зимою 1850—1851 г. по сѣнной площади, гдѣ обыкновенно разставлены были, разсѣченные поперекъ, замороженные свинныя туши, Пироговъ какъ-то разъ обратилъ на нихъ особенное вниманіе: у него родилась мысль примѣ-

нить замораживаніе въ человѣческихъ трупахъ для точнаго выясненія нормальнаго расположенія внутреннихъ органовъ и взаимнаго ихъ отношенія. Пироговъ сталъ замораживать человѣческіе трупы, дѣлать распилы ихъ въ различныхъ направленіяхъ и изучать взаимныя топографическія отношенія различныхъ частей человѣческаго тѣла.

Въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, въ старомъ, невзрачномъ, деревянномъ баракѣ анатомическаго театра Н. И. Пироговъ усердно работалъ надъ распилами замороженныхъ труповъ, отмѣчая на снятыхъ съ нихъ рисункахъ топографію частей тѣла. Боясь порчи препаратовъ, Ник. Ив.—чѣ не щадилъ ни себя, ни времени, и работалъ до глубокой ночи.

Своимъ трудомъ „Anatomia topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplici directione ductis illustrata“,— топографическая анатомія разрѣзовъ,—изданнымъ съ атласомъ въ 1852—1858 г.г., трудомъ, до сихъ поръ не имѣющимъ себѣ равнаго во всей европейской литературѣ, Н. И. Пироговъ создалъ себѣ вѣчный памятникъ!

Случайно познакомившись у скульптора съ гипсованіемъ холста въ цѣляхъ сохраненія приданной холсту формы, Н. И. Пироговъ воспользовался и этой идеей и примѣнилъ ее къ лѣченію переломовъ.

О результатахъ примѣненія своей „наѣльной алебастровой повязки въ лѣченіи простыхъ и сложныхъ переломовъ и для транспорта раненныхъ на полѣ сраженія“ Н. И. Пироговъ опубликовалъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1855 г.

Широко примѣняя свою алебастровую—гипсовую повязку въ своей клиникѣ и петербургскихъ больницахъ, Пироговъ выработалъ известную технику наложенія ея. Онъ нашелъ гипсовую повязку незамѣнимой по цѣлесообразности ея, простотѣ и дешевизнѣ. Возможность дѣлать окна въ гипсовой повязкѣ увеличиваетъ еще болѣе ея достоинство, такъ какъ позволяетъ примѣнять ее и при открытыхъ переломахъ. Быстрота высыханія и твердость повязки позволяютъ тотчасъ же смѣло переносить больныхъ съ мѣста на мѣсто, что особенно важно при транспортировкѣ раненныхъ на войнѣ. Главное же достоинство гипсовой повязки Пироговъ видѣлъ въ томъ, что она замѣняетъ производство первичныхъ ампутацій, а этимъ, вмѣстѣ съ болѣе правильнымъ уходомъ за ранеными, Пироговъ создалъ столь цѣнный сберегательный способъ лѣченія.

Въ 1849 г. Пироговъ предложилъ учредить самостоятельную кафедру патологической анатоміи; но прозектъ этотъ осуществленъ

былъ только чрезъ 10 лѣтъ, когда Пирогова уже не было въ Академіи.

Въ 1850 г. Пироговъ, по порученію директора военно-медицинскаго департамента—Пеликана, ѣздилъ для осмотра госпиталей въ Москву, Новгородъ, Ревель и Нарву.

На частныхъ курсахъ для врачей по оперативной хирургіи на трупахъ—у Н. И. Пирогова впервые, въ 1852 г., зародилась мысль измѣнить Саймовскую операцію на стопѣ, въ результатѣ чего оперативная хирургія обогатилась Пироговскою операціей, обезсмертившей имя ея геніальнаго изобрѣтателя.

Въ 1854 г. Пироговъ вновь издаетъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ капитальный свой трудъ: „Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ съ подробнымъ описаніемъ положенія и способовъ перевязки ихъ“.

14 лѣтъ Н. И. Пироговъ пробылъ профессоромъ Медико-Хирургической, нынѣ Военно-Медицинской, Академіи, занимая кафедры хирургіи, нормальной анатоміи, патологической анатоміи и топографической анатоміи, и въ то же время завѣдуя громадной госпитальной хирургической клинкой.

При Пироговѣ хирургическая клиника сдѣлалась высшей школой русскаго хирургическаго образованія, чему содѣйствовали, кромѣ высокаго авторитета Пирогова, и его необычайный даръ преподаванія и несравненная техника при производствѣ операцій, громадное количество и разнообразіе клиническаго матеріала. На необыкновенную высоту поставилъ Пироговъ и преподаваніе анатоміи устройствомъ особаго анатомическаго института.—Будучи профессоромъ въ Академіи, Н. И. Пироговъ въ то же время состоялъ консультантомъ большихъ Петербургскихъ больницъ: Обуховской, Маринской, Петропавловской и Максимилиановской лѣчебницы. Наконецъ, Пироговъ имѣлъ въ Петербургѣ „довольно значительную“ (Флоринскій) и частную хирургическую практику.

Проявляя съ необыкновенной энергіей кипучую и разностороннюю дѣятельность, Н. И. Пироговъ находилъ время и для научныхъ работъ, изданія которыхъ стали безсмертными памятниками его колоссальнаго научнаго труда.

Изъ капитальныхъ работъ его слѣдуетъ отмѣтить: „Курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла. Анатомія описательно-физиологическая и хирургическая,“ 1843 г.—А т л а с ъ, съ текстомъ къ нему: „Анатомическія изображенія человѣческаго тѣла, назначенныя

преимущественно для судебныхъ врачей“, 1847 г., — Атласъ патологической анатоміи холеры, съ текстомъ, 1849 г.—Атласъ, содержащій въ себѣ „Анатомическія изображенія наружнаго вида и положенія органовъ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла“, 1850 г.,—„Клиническая хирургія“, 1854 г.

„Верхомъ славы Н. И. Пирогова, — говоритъ проф. Батуевъ, — слѣдуетъ признать его атласъ, изображающій распилы замороженнаго трупа. Этотъ атласъ, надъ которымъ Пироговъ трудился съ 1851 г. по 1854 г., единственный во всемирной литературѣ, на 220 большихъ таблицахъ содержитъ 970 въ высокой степени поучительныхъ рисунковъ отдѣльныхъ распиловъ въ естественную величину, съ латинскимъ текстомъ.

Изданный всего въ 300 экземплярахъ, атласъ этотъ въ настоящее время развѣ случайно можно встрѣтить въ продажѣ.

Оцѣнивая дѣятельность Пирогова въ Петербургѣ, въ Медико-Хирургической Академіи, невольно останавливаешься на мысли, — говоритъ проф. Флоринскій, — какъ много можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ, одаренный талантомъ и запасомъ энергіи! И въ самомъ дѣлѣ, невольно долженъ поражать всякаго уже одинъ тотъ фактъ, что Пироговъ въ теченіе 14 лѣтъ произвелъ болѣе 10.000 научныхъ вскрытій труповъ, составляя при этомъ подробные протоколы вскрытій.

„Какъ-бы резюмируя съ точки зрѣнія (интересовъ) русской арміи профессорскую дѣятельность Пирогова въ Медико-Хирургической Академіи, д-ръ Генрици въ 1877 г. говоритъ, что Пироговъ „оказалъ незабвенную услугу арміи тѣмъ, что создалъ для арміи нѣсколько сотъ дѣльныхъ, съ истинной научной подготовкой, энергичныхъ и съ непоколебимыми принципами чести медиковъ и хирурговъ“.

Въ 1853 г. вспыхнула война Россіи съ Турціей, а въ 1854 г. — и съ Англійей и Франціей. Началась Севастопольская война! Все русское общество встрепенулось, взоры всей Россіи обратились къ Севастополю. Каждый, по мѣрѣ силъ и возможности, старался принять то или иное участіе въ защитѣ Севастополя, чѣмъ-нибудь помочь общему дѣлу!

Пироговъ, уже имѣвшій солидную опытность и военно-полевого хирурга, возмѣлъ горячее желаніе отправиться на войну. Въ своей просьбѣ о командированіи его на войну Пироговъ выразилъ „готовность употребить всѣ свои силы и познанія для пользы арміи на боевомъ полѣ“. Пироговъ всей душой рвался на войну, но недруги его тормозили командировку. Въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ не могли удовлетворить просьбу Пирогова и онъ сталъ

уже отчаиваться въ успѣхѣхъ своего ходатайства, какъ вдругъ получаетъ приглашеніе къ вел. кн. Еленѣ Павловнѣ. „Къ большой моей радости, рассказываетъ Пироговъ, великая княгиня объявила мнѣ, что она взяла на свою отвѣтственность разрѣшить мою просьбу“ — ѣхать на войну, и тутъ же „объяснила мнѣ свой гигантскій планъ основать организованную женскую помощь больнымъ и раненымъ на полѣ битвы“. Великая княгиня предложила Пирогову избрать себѣ медицинскій персоналъ изъ врачей-хирурговъ, взяты на себя управленіе всѣмъ дѣломъ частной помощи на войнѣ и немедленно отправиться въ Севастополь.

Интересныя подробности своей аудіенціи у великой княгини рассказываетъ Ник. Ив.—чъ. «Никогда не видѣлъ я, пишетъ онъ въ письмѣ къ баронессѣ Раденъ,—великую княгиню въ такомъ тревожномъ состояніи духа, какъ въ этотъ день, въ эту памятную для меня аудіенцію. Со слезами на глазахъ и съ разгорѣвшимся лицомъ, она нѣсколько разъ вскакивала съ своего мѣста, какъ будто безсознательно, прохаживалась большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ и говорила громкимъ голосомъ: «И зачѣмъ вы ранѣе не обратились ко мнѣ! Давно бы ужъ ваше желаніе быть полезнымъ на полѣ битвы было исполнено! И мой планъ тогда также давно бы уже состоялся... Ступайте-же и какъ можно скорѣе приготовьтесь къ отъѣзду! Время терять не слѣдуетъ... На дняхъ, быть можетъ, опять произойдетъ большая битва... Прощайте... или нѣтъ... подождите... я что-то еще хочу вамъ сказать на счетъ организаціи моей общины.. или нѣтъ... зайдите лучше ко мнѣ завтра, въ этотъ же часъ. До свиданія!»—Весьма понятно благородное волненіе просвѣщенной и столь гуманной великой княгини Елены Павловны: въ то время, какъ въ Севастополѣ раненыя гибли тысячами, первый хирургъ во всей странѣ, европейская знаменитость, Пироговъ долженъ былъ просить, какъ милости, чтобы его послали на театръ военныхъ дѣйствій, на помощь раненымъ!

Но какъ взволнованъ былъ и самъ Пироговъ аудіенціей у Елены Павловны! «Я вышелъ,—пишетъ онъ,—отъ великой княгини и запутался въ комнатахъ, и послѣ нѣкотораго странствованія очутился опять у двери той-же аудіенціонной комнаты, гдѣ увидѣлъ великую княгиню, стоящую въ глубокихъ думахъ или прохаживающуюся съ волненіемъ по комнатѣ».

Къ вечеру того-же дня великая княгиня собственноручной запиской извѣстила Пирогова, что просьба его принята; а „на другой день я,—пишетъ Пироговъ,—съ большимъ вниманіемъ выслушалъ отъ великой княгини, какъ она желала устроить женскую службу—на перевязочныхъ пунктахъ и въ подвижныхъ лазаретахъ“.

Женскій уходъ въ гражданскихъ больницахъ существовалъ уже и тогда въ Европѣ (католическія монахини и протестантскія сестры) и у насъ (сердобольныя вдовы въ Маріинской больницѣ, Свято-Троицкая община). Но доставлять благодѣянія женскаго ухода раненымъ и больнымъ на войнѣ, на поляхъ сраженія, на перевязочныхъ пунктахъ и въ полевыхъ (военныхъ) лазаретахъ,—объ этомъ никто и не помышлялъ въ то время. Эта смѣлая и совершенно новая мысль впервые возникла въ севастопольскую войну у великой княгини и великой женщины Елены Павловны ¹⁾ и осуществлена была и такъ прекрасно, благодаря великому врачу-хирургу и великому человѣку Пирогову!

«Тайныя и грязныя насмѣшки,—пишетъ сенаторъ Кони въ своемъ біографическомъ очеркѣ: «Памяти основательницы клиническаго Института (1807—1873 г.г.).—«Императорскій клиническій Институтъ великой княгини Елены Павловны» (Отчетъ Института за 1902 г.)—сопровождали оглашеніе плана великой княгини,—явное противодѣйствіе встрѣтилъ этотъ планъ со стороны высшаго военнаго начальства, боявшагося нарушенія военной дисциплины внѣдреніемъ въ военную администрацію особо управляемой общины». Но великой княгинѣ удалось успокоить въ этомъ отношеніи Императора Николая Павловича и получить его разрѣшеніе на такой неслыханный опытъ. Великая княгиня,—говоритъ Кони,—умѣла стать выше всякихъ насмѣшекъ, зная, что у иныхъ людей низменныя побужденія и пошлое отношеніе къ жизни накопляютъ столько грязи на днѣ души ихъ, что, дѣлаясь подобными скульпторамъ, они лѣпятъ изображенія и другихъ людей все изъ той-же своей собственной грязи»...

Великая княгиня Елена Павловна обратилась съ воззваніемъ къ русскимъ женщинамъ, къ ихъ патриотизму, и на призывъ ея тотчасъ-же изъ всѣхъ слоевъ общества отделились русскія женщины, пожелавшія самоотверженно принять на себя высокія и трудныя обязанности сестеръ милосердія.

¹⁾ Великая княгиня Елена Павловна, дочь нѣмецкаго, Вюртембергскаго принца и супруга великаго князя Михаила Павловича, 50 лѣтъ своей жизни посвятила новому своему отечеству. Обладая выдающимся государственнымъ умомъ, она имѣла огромное и благотворное вліяніе на всю русскую, политическую и духовную, жизнь Россіи.—Ей и мы-врачи обязаны устройствомъ въ Петербургѣ клиническаго «Еленинскаго» Института, куда стекаются со всѣхъ концовъ Россіи—преимущественно земскіе и городскіе—врачи для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ.—М. К.

25 октября 1854 г., 56 лѣтъ назадъ, утвержденъ былъ уставъ первой, названной Крестовоздвиженской, Общины сестеръ милосердія, учрежденной на иждивеніе великой княгини Елены Павловны и поставленной подъ Ея непосредственное покровительство.

Цѣль учрежденія Общины, выраженная въ инструкціи начальницъ ея, «состоитъ въ усердномъ, на теплой любви къ ближнему и личномъ во имя Господа нашего Иисуса Христа самоотверженіи основанномъ, содѣйствіи медицинскому начальству въ военныхъ госпиталяхъ при уходѣ за ранеными и больными, а также въ облегченіи ихъ страданій посредствомъ христіанскаго утѣшенія».

Что-бы приучить будущихъ сестеръ милосердія къ самообладанію, великая княгиня Елена Павловна сама посѣщала амбулаторіи и операционныя залы. Въ госпитальной клиникѣ Пирогова собственными руками наложила повязку на оперированнаго, чтобы показать, что подобнаго рода помощь не можетъ имѣть ничего предосудительнаго, а однажды великая княгиня присутствовала на тяжелой операциі отнятія ноги и выдержала всю операцию, видимо, спокойно,—разговаривала потомъ съ больнымъ и, положивъ ему подъ подушку денегъ, вышла въ корридоръ; но здѣсь силы ее оставили!...

5 ноября 1854 г. въ праздникъ, въ церкви, великая княгиня Елена Павловна сама надѣла каждой изъ первыхъ 35 сестеръ милосердія крестъ на голубой лентѣ, а 6-го ноября одинъ отрядъ сестеръ уже уѣхалъ съ докторомъ Тарасовымъ въ Севастополь, гдѣ ихъ ждалъ Пироговъ, на нѣсколько дней раньше туда уѣхавшій.

За первымъ отрядомъ отправились на войну другіе отряды сестеръ, и такъ возникла—первая во всемъ мірѣ—военная община сестеръ милосердія.

Въ этомъ отношеніи Россія имѣетъ полное право предъ всѣмъ міромъ гордиться своимъ починомъ. Тутъ не было обычнаго заимствованія послѣдняго слова съ запада; наоборотъ, Англія первая стала подражать намъ, приславъ подъ Севастополь на другой уже годъ Крымской войны, въ 1855 г., знаменитую миссъ Найтингаль, съ ея отрядомъ, имѣвшимъ однако частный характеръ.

«О миссъ Найтингаль и о ея «высокой души дамахъ» мы,—говоритъ Пироговъ,—въ первый разъ услышали только въ началѣ 1855 г., когда злоупотребленія англійской военной администраціи, во время зимнихъ мѣсяцевъ 1854 г., такъ же ясно обнаружались, какъ и у насъ. Мое предположеніе передать сестрамъ милосердія и нравственную дирекцію и контроль перевязочныхъ пунктовъ и лазаретовъ, конечно,—замѣчаетъ Ник. Ив.—чъ,—только послѣ этого времени получило разрѣшеніе великой княгини, но на дѣлѣ женщины исполняли уже

эти должности съ самаго дня своего прибытія въ симферопольскіе госпитали. Уже ранѣ этого, еще не бывъ ознакомленъ съ женской службой, я,—замѣчаетъ Пироговъ,—убѣдился а priori, что женскій тактъ, ихъ чувствительность и независимое отъ служебныхъ условій положеніе гораздо дѣйствительнѣе могутъ вліять на отвратительныя злоупотребленія администраціи, чѣмъ оффиціальная служебная контрольная комиссія».

«Результатъ совершенно подтвердилъ мои предположенія», добавляетъ Пироговъ.

«Вліяніе англійской частной помощи на уменьшеніе смертности въ англійской арміи,—сообщаетъ въ 1871 г. Пироговъ,—было гораздо значительнѣе, нежели у насъ; говорятъ, что смертность уменьшилась тамъ съ 23 до 4 на 100 больныхъ, что, конечно, зависѣло (отъ немыслимаго у насъ) развитія общественнаго мнѣнія въ Англии, принявшаго горячее участіе въ общемъ дѣлѣ».

Насколько велико было рвеніе русскихъ женщинъ принести свою долю пользы на войнѣ, можно видѣть на примѣрѣ Е. М. Бакуниной, представлявшей идеальный типъ сестры милосердія. Дочь Петербургскаго губернатора, Е. М., узнавъ объ организациі Общины сестеръ милосердія, отправляемыхъ на войну, тотчасъ-же заявила о своемъ желаніи поступить въ сестры милосердія, но встрѣтила сильную оппозицію со стороны своихъ родныхъ и знакомыхъ. Бакунина твердо стояла на своемъ и, чтобы испытать себя, поѣхала въ «самую гнусную» изъ московскихъ больницъ, гдѣ присутствовала на всѣхъ перевязкахъ, а затѣмъ провела цѣлыя сутки безвыходно въ больницѣ. Е. М. добилаь своего: ее приняли въ Общину, и въ январѣ 1855 г. она уѣхала въ Севастополь, гдѣ проявила необычайную самоотверженность въ дѣлѣ ухода за ранеными и обнаружила богатые административныя способности. О дѣятельности Бакуниной на войнѣ восторженно отзывается Н. И. Пироговъ.

Небезинтересно отмѣтить, что Е. М. Бакунина, назначенная еще до окончанія войны вел. кн. Еленой Павловной сестрой-настоятельницей Общины сестеръ-милосердія, принимала дѣятельное участіе въ устройствѣ постоянной Общины въ Петербургѣ. Въ цѣляхъ лучшаго устройства общины, Е. М. переписывалась съ Пироговымъ и ѣздила въ Берлинъ и Парижъ, чтобы видѣть устройство тамошнихъ общинъ. Черезъ 4 года Бакунина, все время тяготясь положеніемъ сестры-настоятельницы, оставила Общину по слѣд. поводу: въ первые годы существованія Общины никакъ не могли установить, какой характеръ должна носить Община: религіозно-орденскій или нравственно-филантропиче-

скій,—какой духъ долженъ преобладать въ общинѣ: формально-религіозный или истинно-нравственный. Е. М. Бакунина—справедливо—стояла на послѣдней точкѣ зрѣнія, какой большинство не раздѣляло.

Въ русско-турецкую войну Бакунина съ отрядомъ Краснаго Креста работала на Кавказѣ. Умерла Бакунина въ 1894 г., 82 лѣтъ отъ роду.

Въ своемъ письмѣ баронессѣ Раденъ отъ 27 февраля 1876 г. Пироговъ такъ высказывается по поводу учрежденія перваго «Общества сестеръ»: «Понятно, она (великая княгиня Елена Павловна) старалась, по примѣру католическихъ и протестантскихъ основателей, дать своему учрежденію видъ и направленіе религіозныя». «Религіозный видъ былъ данъ, но не былъ внушенъ тотъ религіозно-мистическій духъ, который такъ непоколебимо дѣйствовалъ и управлялъ въ древнихъ католическихъ учрежденіяхъ. Протестантское спокойствіе и любовь къ порядку также не могли быть тамъ внушены».

«Наша православная церковь (не вѣра) сильно проникнута позитивизмомъ и формальностью: наше міровоззрѣніе, большею частью, также до того формально и къ тому же до того легкомысленно, что нѣтъ у насъ достаточно духовной силы, чтобы проникнуться мистично-религіознымъ элементомъ и на немъ основывать и строить дѣло. Оттого все религіозное направленіе Крестовоздвиженской общины съ самаго начала было слабо и шатко».

Принявъ порученіе вел. кн. Елены Павловны, Н. И. Пироговъ предъ отъѣздомъ на театръ войны въ Севастополь, въ послѣдній разъ, 23 октября 1854 г., присутствовалъ на засѣданіи любимаго вѣрушка его имени и сообщалъ тамъ объ осуществленіи вел. кн. Еленой Павловной въ высшей степени гуманнаго учрежденія—Общины сестеръ милосердія, отправляемой на войну.

Д-ръ М. Казанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).